

Юн Цзинь посмотрел на него некоторое время, а затем действительно подвинулся, уступив место. Чжоу Цзюнь удивленно поднял бровь, чувствуя внутри тревогу, но не ожидая, что место будет получено так легко. Он сел в машину, сложив зонт. Его руки и одежда были мокрыми, и он достал носовой платок, сложил его и начал вытираться.

Чжоу Цзюнь был из хорошей семьи, и его руки были ухоженными, без мозолей, с бледно-розовыми пальцами, здорового белого цвета. Складывая платок, каждое его движение было пронизано врожденной элегантностью и аристократизмом.

Когда Чжоу Цзюнь привел себя в порядок, он еще не успел заговорить, как Юн Цзинь приблизился. Он хотел отклониться, но это было невозможно. Последствия его дерзости, заставившей уступить место, настигли его. Юн Цзинь любезно предложил ему два выбора:

— Сесть к мне на колени сейчас, или же в Грушевом саду сесть ко мне на колени.

Черный зонт стоял у двери, и, проезжая небольшой поворот, он упал, коснувшись левой ноги Чжоу Цзюня. Капли воды с шелковой поверхности зонта пропитали подол его одежды, промочив лодыжку. В машине было тихо, и Чжоу Цзюнь долго молчал, пока наконец не вздохнул и не двинулся.

Он оперся на сиденье, стараясь максимально сжать свое тело, и сел на колени Юн Цзиня. Он не прилагал усилий, чтобы поддерживать себя, полностью опуская свой вес вниз. Выражение лица Чжоу Цзюня было спокойным, без признаков унижения или раздражения. Его покорность была неожиданной.

Окно машины было как отдельный мир, капли воды покрывали стекло, и внутри постепенно образовался туман, вероятно, из-за их горячего дыхания. Ягодицы касались тела мужчины, и это не было мягким или приятным. С горькой иронией Чжоу Цзюнь подумал, что не каждый может сидеть на таком месте, и это было редким опытом.

Юн Цзинь обнял его, и его ладонь коснулась колена Чжоу Цзюня, где остался влажный след. Рука скользнула вниз, и он дотронулся до голы лодыжки. В дождливый день Чжоу Цзюнь был обут только в деревянные сандалии. Высокая подошва, кожа с темным узором, а под длинным халатом были свободные шелковые брюки, так что рука легко проникла внутрь.

Штанина была мягкой, и, слегка подняв ее, она сложилась в несколько слоев, обнажая голень. Юн Цзинь касался влажной кожи, все еще через перчатку. Он был одет не в военную форму, а в костюм, в кармане которого лежал темный носовой платок. Казалось, он был просто для украшения, но Юн Цзинь велел ему вытащить его.

Только следующий жест объяснил, для чего был нужен платок. Его сандалия ударилась о нижнюю часть сиденья, и нога была поднята на черную кожаную поверхность. Его положение изменилось: ягодицы все еще сидели на жестких бедрах мужчины, а спина упиралась в дверь. Сзади слышался стук дождя, который постепенно усиливался, словно ливень стал сильнее. Внешний мир стал размытым.

Чжоу Цзюнь нахмурился, наблюдая, как Юн Цзинь вытирает платком воду с его ноги. Платок скользил от колена до икры, несколько раз проводя по кругу вокруг лодыжки, где была маленькая красная родинка, похожая на ранку. В сумрачной погоде, в голубоватом свете салона, она выделялась на кости. Юн Цзинь опустил взгляд и сказал:

— Красиво.

Чжоу Цзюнь не знал, откуда взялось это чувство неловкости, и молчал. Он протянул руку, чтобы схватить руку Юн Цзиня, и подтянул ее к себе. Он взглянул на Юн Цзиня, и между ними не было слов. Вдалеке прогремел гром, и белый свет озарил машину, постепенно проявляя все вокруг. Он потянул за средний палец Юн Цзиня, снимая перчатку.

Он снова увидел ту руку, которая когда-то уже появлялась перед ним: бледную, как мрамор, но на ощупь теплую. Юн Цзинь не остановил его, лишь с легкой загадочной улыбкой, словно играя с игрушкой, позволил ему продолжать.

Чжоу Цзюнь держал его руку и тоже улыбнулся. В следующий момент его зубы сомкнулись, готовые впиться в кость пальца Юн Цзиня, с силой, словно он кусал сладость, с жестокостью. Но он не смог превзойти быструю реакцию Юн Цзиня, и вместо этого его лицо было схвачено и с силой прижато к стеклу.

Раздался громкий стук — это была его голова, ударившаяся о стекло. Боль распространилась от маленькой точки, и выражение лица Юн Цзиня стало холодным. Как в первый раз, оно больше не выражало интереса или превосходства над добычей. Это был полный холод, без эмоций, без выражения.

Он разозлил этого человека, и сила, с которой его щека была сжата, была огромной. Возможно, позже, во время представления, останется след. В этой неподходящей обстановке в его голове возникла странная мысль. И в момент следующего удара грома Чжоу Цзюнь медленно высунул язык, оставив маленький влажный след на ладони Юн Цзиня.

Взгляд Юн Цзиня был странным, его глубокие глаза смотрели на него, словно облака и дождь собрались в них. Он не моргнул, и шум дождя перестал быть слышен. Его пальцы все еще сжимали подбородок Чжоу Цзюня.

Странно, но он почти хотел закрыть глаза. Это было чувство, словно неясная атмосфера подсказывала ему, что, возможно, сейчас последует поцелуй. Если бы Юн Цзинь был женщиной, он был бы очень властной дамой. Возможно, избалованной девочкой, которая всегда заставляла мужчин подчиняться.

У Юн Цзиня, должно быть, был скверный характер, иначе он бы не выстрелил тогда из того маленького особняка на втором этаже, заставив его упасть в грязь на первом. Костюм так и не отстирался, и он велел няне выбросить его.

Но ничего не произошло, словно он все выдумал. Юн Цзинь убрал руку. Она отстранялась постепенно, и, когда он отпустил, было ощущение онемения. Он прижал язык к нёбу, и на мгновение почувствовал разочарование.

Очень скоро он понял, что его мысли странные. Разочарование из-за того, что Юн Цзинь не поцеловал его? Это было слишком абсурдно. Он все еще сидел на коленях Юн Цзиня, босиком. Украдкой взглянув на лицо мужчины, он увидел, что оно вернулось к обычному выражению, без гнева и без приказа убираться.

И тогда Чжоу Цзюнь медленно, очень медленно начал двигаться, пытаясь слезть с твердого тела генерала. Но рука Юн Цзиня снова протянулась, на этот раз обхватив его за талию и приподняв.

Вторая сандалия Чжоу Цзюня упала с легким звонким звуком. Он полностью оказался в объятиях Юн Цзиня. Его щека касалась ткани рубашки, воротник был жестким и торчал. Над ним была идеальной формы челюсть и губы. Только что побритый подбородок мужчины был

слегка синеватым, и он смотрел на эти губы, когда они вдруг зашевелились:

— На что смотришь?

Чжоу Цзюнь покачал головой, вздохнул и поджал ноги. Сиденье было кожаным, и оно было прохладным и скользким под ногами. Юн Цзинь небрежно гладил его, как будто играл с котенком.

Он трогал его ухо, волосы, спину, ногу и ту родинку. Теперь он делал это голой рукой, без перчаток. Линии на его ладони были глубокими, подушечки пальцев шершавыми, и прикосновение к коже было теплым и немного щекотливым. Чжоу Цзюнь неловко схватил руку Юн Цзиня и снова надел на нее перчатку.

Он снова попытался вернуться на свое место, но на этот раз его никто не остановил. Его поза была нелепой: он полз, вытянув руки вперед. Под сиденьем было грязно, и он не хотел касаться его. Возможно, поза была слишком смешной или соблазнительной. Юн Цзинь снова начал его трогать, на этот раз проводя рукой от основания шеи до копчика, где он слегка нажал, шутливо сказав:

— Не хватает только хвоста.

Чжоу Цзюнь раздраженно сел на свое место. Он надел одну сандалию, а вторая осталась у Юн Цзиня. Он хотел наклониться, чтобы поднять ее, но боялся, что снова услышит замечание о хвосте. Наконец, он посмотрел на ноги Юн Цзиня:

— Моя сандалия.

Генерал-майор Юн естественно скрестил ноги:

— Не вижу.

Он не собирался поднимать ее за него. Чжоу Цзюнь сдержался, напоминая себе, что это господин, которого нельзя обижать. Тогда он наклонился к ногам генерала, протянув руку, чтобы поднять сандалию. Но его запястье было схвачено. Указательный палец постукивал по его кости, и Юн Цзинь сказал:

— Прежде чем надеть обувь, надень что-нибудь на ножку, ладно?

Чжоу Цзюнь с подозрением смотрел на него некоторое время, а затем снова сел на место. Он подумал и решил удовлетворить прихоть Юн Цзиня. Но Юн Цзинь тоже должен был удовлетворить его прихоть. Он оперся на сиденье, поставив ногу на колено Юн Цзиня.

В покачивающейся машине он с легкой улыбкой на губах, с игривым выражением лица, сказал:

— Хорошо. Ты наденешь ее на меня.

<http://bllate.org/book/16825/1547234>